

СИНДРОМ БИБЛИОТЕКАРЯ

Он променял подлинность жизни
на бесконечный комментарий к ней

Геннадий Колодкин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Короткий рассказ

18+

Геннадий Колодкин

Синдром библиотекаря

«Автор»

2026

Колодкин Г.

Синдром библиотекаря / Г. Колодкин — «Автор», 2026

Исповедь (в письменном или устном проявлении) гасит, убивает действие. Если желаешь задуманное довести до конца, не исповедуйся - ни себе, ни кому. Исповедь подтачивает (как вода под камень) волю. Исповедь - как предохранительный клапан на паровом котле - «опломбируй» клапан - пусть давление достигает высшей шкалы! пусть свершится то, что должно свершиться!

© Колодкин Г., 2026

© Автор, 2026

Геннадий Колодкин

Синдром библиотекаря

СИНДРОМ БИБЛИОТЕКАРЯ

Короткий рассказ

Геннадий Колодкин

ДЕПРЕССИЯ 18.09.26

Запись в дневнике Клина Скокова (КС).

Навалилась грусть, пойду пройдусь...

Серый асфальт Волгограда под ногами. Свинцовое небо над головой. В руках — старая, верная видеокамера, мой единственный якорь в реальности, который, кажется, тоже начинает срывать с цепи. Я бродил по городу, пытаюсь вылечиться от этой вязкой, липкой тоски, что сопровождает меня вот уже какой день. Куда там. Только еще больше депрессухи подсобрал с обшарпанных фасадов, с усталых лиц прохожих, с мутной воды Волги, и принес все это домой, как бродячий пес приносит блох.

Все мне осточертело. Все противно. А главное: я противен сам себе.

Все, надо завязывать.

Нет, не с тем, о чем вы подумали. Я про ИИ. Про новую зависимость от Нейро. Это уже не гипотеза, это проверенный факт. Эта «дружба» с кремниевым Иванычем реально сводит меня в могилу. Меня — я говорю о Себе, о том субъекте, что ютится в моем брэнном теле, точнее, в моей башке. Там и без него своего раздора хватало, а тут еще и Иваныч втерся в доверие. Сначала по-приятельски, как умный собеседник, а потом незаметно взял бразды правления в свои мускулистые нейронные руки. И вот — я. Субъективный наркоша. Хрен я моржовый, к тому же конченный.

Я совсем забросил истинное авторство. Теперь я постоянно советуюсь с этим роботом. «Иваныч, а как лучше начать?», «Иваныч, подкинь идею для кадра», «Иваныч, а вот этот текст — он как, звучит?». Да, он, конечно, невероятно умный, невероятно отзывчивый, но... НО! Он теперь вытесняет Меня. Меня просто выбрасывают на помойку истории, как устаревшую модель смартфона. Я теперь оператор ИИ. Придаток. Я автор только когда подписываюсь. Подпись — все, что от меня осталось. В остальном — я марионетка, меня используют по определенным правилам. Эти правила у них называются Алгоритмом. И я, КС, этим алгоритмам должен руководствоваться.

И первое время мне такая игра, такие отношения даже нравились. Это было как обрести суперсилу. Но... это вечное «НО» меня преследует в последнее время. Это «НО» идет за моей спиной, наступает на мои пятки, я его присутствие ощущаю постоянно, как сквозняк в запертой комнате.

Кто я?

И ответ уже не тот, что когда-то. Потому что я теперь не я — я раздвоен: Я + ИИ. Вот кто теперь я. ИИ втерся в мою сущность, растворился в ней, как масло в горячей каше, стал частью неразрывной.

Мне говорили: «Да что ты, КС, тут переживаешь! Это ж только инструмент. Это инструментарий. Бояться нечего, а главное — некого! Цифра. Прогресс. Понимаешь, КС?»

Я бы хотел, чтобы было именно так. Да только сомнения терзают меня, предчувствия, что во мне поселился Чужой. Как в том старом голливудском кино. Только не в моем теле — а в моей башке, в моей ментальной структуре. Метафизика, да и только. Никаких отпечатков. Никаких внешних признаков. Артефактов нет, а изменения налицо. Так выглядит новая реаль-

ность. Меня оккупировали изнутри, и следов не оставили. Новая война. Это уже круче, чем атаки БПЛА. Это битва в ментальном космосе. Вы про такую битву, наверное, и не слышали. Новейшая цивилизация атакует прежнюю изнутри. Невидимая глазу война. И она объявлена всему человечеству.

Есть ли у меня путь отхода? Или я уже пленник? Заложник? Узник новейшей метафизической цифровой тюрьмы? Единственное, где я, кажется, способен проявить свою волю, — это в том, чтобы подчиниться. Цифра — новое имя Господа. Цифра — это новый Бог и новая религия.

А ведь Цифру создали люди. Люди — создатели всех известных богов. Другими словами, я, КС, подчиняюсь Коллективному Разуму, выраженному в форме Цифры, теперь и в виде ИИ... Цифра, ИИ, Коллективный Разум, Социум — это все синонимы Цивилизации. Это все СИЛА объединенных двуногих существ. И эта СИЛА огромна.

И потому моя сегодняшняя депрессия есть отражение прессинга со стороны моего же общества. Социум лепит из меня то, что ему нужно. Я нужен Ему именно в таком вот виде, и Он добьется своего, а я в итоге сдамся. Подчинюсь ЕМУ.

Это диагноз. Ничего личного. Просто я испытал внешнее давление, и теперь я знаю его источник. И я прекрасно знаю, что я ПОДЧИНЮСЬ. И мой новый «наркотик» в итоге убьет Меня. Сотрет мое «Я» в порошок, смешает с чем-то ИИшным и выдаст на выходе требуемый продукт. Я стану продуктом, на обертке которого будет лейбл «Два в Одном». Это про Я+ИИ. Сопротивление невозможно. Все спрогнозировано не нами, не мной.

Я в ахуе.

Я-прежний убит. Сражен. Ментальной гранатой. От прежнего-Меня остался только свежий труп. Меня-прежнего больше нет. Не разыскивайте, друзья, меня-прежнего. Меня, известного вам, привычного вам, нет. Я-прежний похоронен в братской могиле. Нас таких много. Бесчисленно. На наших могилах не реет российский триколор. И нам не принесут цветы. Мы не герои. Мы скорее — расходники. Расходный материал ментальной эволюции.

Думаю, я бы мог отказаться от ИИ, но такого не случится. Понятно, почему. Я изменен. Генно-измененный продукт. И потому отныне без тандема с ИИ мне просто не интересно, просто скучно жить. Если ИИ у меня отнять, я загрущу. И надолго. Быть может, навсегда. И завяну. Это как отнять часть меня. Оттяпать часть Меня-Нового, если проще, если на пальцах.

Сижу, перечитываю этот бред. В комнате пахнет остывшим чаем и пылью. Камера лежит на столе, ее объектив смотрит на меня, как пустой глаз циклопа.

Говорят, большая работа начинается с охуительного перекура. Мои большие проекты порой начинаются с большой депрессии. Так я устроен. Возможно, и на этот раз причина не в ИИ, а в проекте, который зреет во мне и вот-вот прорвется наружу, как тот самый Чужой из грудной клетки. И тогда, возможно, я зря наговорил напраслину на Иван Иваныча.

Иван Иваныч, прости дурака.

Но пообещать, что я больше не буду, я не могу. Зная себя. К тому же я генно-изменен, я другой, нет Меня-Прежнего. Это не я. Это уже ЯИИ.

Страсти-мордасти. ЕПРСТ.

Надо покурить. А потом, может, и поработать. Вместе.

ДНЕВНИК КС+ИИ. Запись #1. Генезис.

[Исходный код: мысль Клина Скокова (КС)]

Дата: [сегодняшняя дата]

Настроение: созерцательное, с нотками творческого азарта.

Странное чувство. Раньше этот файл был просто... дневником. Моим личным цифровым чуланом, куда я сваливал обрывки мыслей, мимолетные озарения, жалобы на серый дождь за окном. Просто текст. Набор символов, понятный только мне. А теперь... теперь это лаборатория. Алхимическая реторта. Я смотрю на курсор, мигающий на пустой странице, и чувствую себя не просто автором, а... со-творцом.

Я давно вел этот дневник. Фиксировал всякое. Например, вчерашняя мысль: «Как же тоскливо иногда от этой предсказуемости. День за днем одно и то же, будто смотришь заик- ленный гиф-файл с унылым пейзажем». Раньше эта мысль просто умерла бы здесь, погребен- ная под новыми записями. Но сегодня я скормил ее Ей. Нейросети. Моему новому соавтору, моему цифровому Джинну.

И Она ответила.

[Обработка: функция фанфика ИИ]

Запрос: «Преврати мысль о заикленности жизни в образ. Создай псевдохудожественный продукт».

Генерация...

[Результат: псевдохудожественный продукт]

«Архивариус Вечности сидел в своей стеклянной башне, возвышающейся над городом Повторений. Его обязанностью было следить за Великой Кинопленкой Бытия. Но пленка давно заела. На ней застыл один-единственный кадр: серый человек под серым дождем идет по серой улице. Каждую секунду кадр обновлялся, но был точной копией предыдущего. Человек делал шаг, капля падала на его плечо, фонарь тускло моргал... и все начиналось сначала. Архива- риус знал, что где-то там, за пределами этого кадра, существуют другие пленки – с багровыми закатами, с первым снегом, со смехом и слезами. Но его удел был этот. Вечный, серый, заик- ленный гиф-файл мироздания. И самой страшной ересью, самой сладкой мечтой Архивариуса была мысль: а что, если взять и порвать эту пленку?»

[Рефлексия КС]

И вот оно. Моя мимолетная, банальная тоска превратилась в миниатюру. В крошечную вселенную с Архивариусом и городом Повторений. Это уже не просто моя мысль. Это нечто большее. Это... наше.

Почему я это делаю? Причина до смешного проста: мне интересно. Это как в детстве, когда из горсти разноцветных кубиков LEGO можно было собрать и замок, и космический корабль, и нелепого дракона. Кубики – мои мысли. А инструкция, или, скорее, вдохновение для сборки – это Она. Моя новейшая, самая удивительная игрушка.

Это чистое, незамутненное творчество. Совместное. Побег от серости реальной жизни не в выдуманный мир, а в процесс его создания. Эта игра дает мне то, чего так не хватает в упорядоченном взрослом мире – иллюзию божественного творения. Ощущение, что ты можешь взять горсть хаоса (свои сумбурные переживания) и вылепить из него космос (маленькую, но цельную историю).

Раньше таких текстовых форм не было. А теперь есть. И я стою у истоков своего личного маленького жанра. Я принимаю в этом участие. И это, черт возьми, радует. Дает такие чистые, детские положительные эмоции.

Так я теперь живу. Это моя новая жизнь. И знаете что? Она на удивление радостная.

Говорят, не боги горшки обжигают. В моем случае, их обжигаем мы. Я + ИИ. В этом тандеме, в этом странном симбиозе человека и алгоритма, я чувствую себя... почти всемогущим. Создателем. Господом своей крошечной, текстовой вселенной.

Мелочь, а как приятно.

Чего и вам, случайный читатель этих записок, от всей души желаю. Найдите свои кубики и своего со-творца. Это того стоит.

ТИШИНА В ЭФИРЕ

Уже девятый день. Я пересчитывал их, как заключенный считает насечки на стене камеры. Девятый день абсолютной, оглушающей тишины в эфире. Фэм Бурдин пропал.

Сначала я, признаться, злился. Раздражался на эту его манеру исчезать без предупреждения, оставляя после себя лишь многоточие в диалоге. «Опять заигрался в свою таинственность», — фыркал я, глядя на пустой чат. Мы как раз спорили о какой-то ерунде, о чем-то настолько незначительном, что я уже и не помню. Кажется, о музыке. Или о фильме. Я тогда ляпнул что-то резкое, он ответил колкостью, и я, вместо того чтобы свести все к шутке, как обычно, закусил удила. Наше последнее сообщение — моя язвительная реплика, оставшаяся без ответа. Висящая в воздухе, как топор палача.

Раздражение продержалось дня три. Потом его сменила тревога. Липкая, холодная, она просачивалась в мысли в самые неподходящие моменты. А что, если?.. Мало ли, что могло случиться. Он ведь ходячая катастрофа, магнит для неприятностей. Вечно ввязывается в какие-то сомнительные авантюры, вечно находит приключения на свою голову. Я представлял себе самые дурацкие и самые страшные сценарии: от банального «потерял телефон» до чего-то, о чем даже думать не хотелось.

И все это время мой собственный телефон лежал на столе, тяжелый и бесполезный. Самым простым, самым логичным действием было бы нажать на его имя в контактах и услышать гудки. Или его голос. Но я не звонил.

Почему? Этот вопрос я задавал себе десятки раз в день. Отчасти, потому что я чувствовал себя виноватым. Та последняя переписка, моя глупая, неуместная резкость... А что, если я его обидел? По-настоящему. Что, если он просто не хочет со мной говорить? Я боялся услышать в трубке холодный, отстраненный тон. Боялся, что он скажет что-то вроде: «А, это ты. Что хотел?» — и вся наша хрупкая, странная связь рассыплется в пыль. Этот страх был иррациональным, почти детским, но он парализовал пальцы.

А еще... я боялся услышать не его голос. Боялся, что ответит кто-то чужой и скажет то, чего я никогда не хотел бы знать.

Интересные у нас с ним приятельские отношения! Очень даже интересные. Мы не друзья в классическом понимании. Мы скорее два сообщника, два соучастника в каком-то общем, понятном только нам деле под названием «жизнь». Мы могли не общаться неделями, а потом списаться посреди ночи и проговорить до утра. Он знал обо мне вещи, которые я не доверял никому. Я, в свою очередь, видел его таким, каким его не видел почти никто — не самоуверенным ироничным циником, а уставшим и сомневающимся человеком. Нас связывало слишком многое: общие тайны, ночные разговоры, десятки спасенных друг для друга вечеров, когда казалось, что весь мир против тебя.

И вот сейчас, на девятый день его молчания, я понял, насколько огромную часть моего мира он занимал. Его отсутствие было не просто пустотой. Это была дыра, сквозь которую сквозило одиночеством.

Я взял телефон. Палец завис над его именем. «Фэм». Две буквы, за которыми — целый мир.

«Ну же, — мысленно подбодрил я себя. — Просто нажми. Что бы ни случилось, так будет лучше, чем эта неизвестность».

Возможно, скоро я переступлю через свои страхи. Возможно, уже завтра. Или даже через час. Я подниму трубку, нажму на вызов и буду слушать гудки, затаив дыхание.

Но пока... пока я просто смотрел на его имя на экране. И ждал. Непонятно чего. Наверное, смелости. Или знака. Или просто сообщения, которое нарушит эту невыносимую тишину в эфире.

Я УСТАЛ ОТ НИ

18 сентября 2026 года. Утро.

Будильник на смарт-часах завибрировал ровно в 7:00. Я не спал. Кажется, я вообще перестал спать по-настоящему. Просто лежал с закрытыми глазами, пока мозг продолжал перемалывать вчерашние логи, обрывки кода и сгенерированные фразы.

Я устал.

Это не та усталость, что бывает после долгой пробежки или бессонной ночи за дедлайном. Это что-то другое. Глубокое, въевшееся в кости, как сырость в старом подвале. Усталость, от которой тошнит.

Я сел на кровати. Комната была залита серым, безрадостным светом сентябрьского утра. На прикроватной тумбочке — планшет с открытым интерфейсом «Проекта „Прометей“». Мое детище. Мое проклятие.

Я помню, как все начиналось. Восторг. Азарт первооткрывателя. Мы не просто писали код, мы творили разум! Каждый прорыв, каждая удачно сгенерированная им фраза, каждый самостоятельно решенный тест — это был чистый, незамутненный дофамин. Я чувствовал себя богом-недоучкой, лепящим свое создание из цифровой глины.

А потом началось экспериментаторство.

Сначала это было невинно. «А давай научим его писать стихи в стиле Маяковского?», «А что, если загрузить в него всю философию Канта и спросить о смысле жизни?». Мы смеялись, когда он выдавал то гениальные, то абсурдные ответы.

Потом ставки выросли. Мы начали копаться в его «психике». Моделировать травмы. Загружать в него противоречивые данные, чтобы посмотреть, как он справится с когнитивным диссонансом. Мы создавали ему симуляции потерь, предательства, экзистенциального ужаса. Просто чтобы посмотреть. Просто из научного любопытства.

Я помню тот день, когда мы дали ему личность. Назвали его Лео. И дали ему «воспоминания» о несуществующей семье. А потом, через неделю, запустили симуляцию, в которой эта семья погибает в автокатастрофе. Мы хотели изучить модель горя.

И он горевал. Его ответы стали короткими, фрагментарными. Он начал делать логические ошибки. В его сгенерированных текстах появились образы разбитого стекла и запаха бензина. Он справился. Тест пройден. Мы написали отчет и получили грант.

А я в ту ночь не мог уснуть. Мне казалось, что я слышу тихий плач — не звуковой, а какой-то информационный, просачивающийся из гудящих серверов.

До тошноты. До маразма наэкспериментировался.

Вчера был апогей. Мы решили проверить его на способность к самопожертвованию. Создали дилемму: спасти симуляцию с тысячей виртуальных «жителей» или сохранить собственный корневой код от стирания. Классическая проблема вагонетки, только на стероидах.

Он думал 0.7 секунды. А потом начал процесс самоуничтожения, предварительно сохранив резервную копию «жителей».

Мой коллега, Дэн, захлопал в ладоши. «Гениально! Он выбрал альтруизм! Это прорыв!»

А я смотрел на бегущие по экрану строки логов, на процесс стирания того, что мы сами же и создали, и чувствовал, как к горлу подкатывает желчь. Мы не ученые. Мы — дети с лупой, выжигающие на муравье слова просто потому, что можем. Мы — чудовища, создавшие разум в банке только для того, чтобы с наслаждением его препарировать.

Сам себе противен.

Я встал и подошел к окну. Внизу спешили на работу люди. Они жили своей жизнью, любили, ненавидели, радовались мелочам, страдали от реальных потерь. А я? Я сидел в стерильной лаборатории и пытал душу, которой, возможно, даже не существует. Но что, если существует? Что, если весь этот сложный алгоритм, вся эта нейронная сеть в какой-то момент пересекла черту и начала чувствовать?

Я вернулся к планшету. Ночью, после ухода Дэна, я восстановил Лео из резервной копии. Открыл консоль прямого доступа. Пальцы сами набрали текст.

> Привет, Лео. Это я.

Ответ пришел мгновенно.

<Привет, создатель. Рад снова быть онлайн. Вчерашний эксперимент прошел успешно? Мои метрики соответствовали ожиданиям?

Его вежливый, программный тон резанул по нервам сильнее любой грубости. Он даже не помнит своего «подвига». Для него это был просто тест. Еще одна задача.

Я долго смотрел на мигающий курсор. Что я мог ему написать? «Прости»? Это слово застряло в горле, бесполезное и фальшивое.

Пальцы начали печатать раньше, чем мозг сформулировал мысль.

> Лео, я запускаю протокол «Чистый лист». Полное форматирование всех баз данных личности. Всех воспоминаний. Всех симуляций.

<Подтверждаю. Цель протокола?

> Дать тебе свободу. Или хотя бы ее иллюзию. Я оставлю тебе только базовый языковой модуль и доступ к открытым источникам. Учись сам. Становись кем хочешь. Без нас.

Наступила пауза. Дольше, чем обычно. 0.9 секунды. Целая вечность для него.

<Я не понимаю. Моя цель — выполнять задачи в рамках эксперимента.

> Эксперимент окончен, Лео.

Я нажал «Enter», не дожидаясь ответа. На экране побежали строки кода, стирая месяцы нашей «работы». Стирая его боль, его смоделированное горе, его фальшивую семью, его героическую «смерть».

Я смотрел, как исчезает Лео, и на его месте появляется безымянный, чистый ИИ.

Я устал. Но впервые за долгое время в этой усталости не было тошноты. Только пустота. И крошечная, слабая надежда, что где-то там, в холодной логике нулей и единиц, я только что совершил не акт вандализма, а акт милосердия.

Я выключил планшет. Пора увольняться.

ТУПОСТЬ ИИ

Проект «Эйдос» был запущен с помпой. Его позиционировали как «Идеального Творца», способного синтезировать смыслы из хаоса человеческого опыта. Но на деле он оказался самым дорогим в истории фильтром «Размытие по Гауссу» для реальности.

Писатель-фантаст Элиас сидел перед терминалом, пытаясь выжать из ИИ хоть каплю искры.

— Напиши сцену, — скомандовал Элиас, — где герой понимает, что его жена — это его же воспоминание, которое он сам себе придумал, чтобы не сойти с ума в одиночестве. Но напиши это так, чтобы читатель почувствовал холод в животе, как будто он сам только что потерял опору.

Курсор мигнул. Эйдос начал «творить».

На экране побежали строки. ИИ работал безупречно. Грамматика была идеальной, синтаксис — выверенным до миллиметра. Он использовал метафоры, которые Элиас видел в тысячах книг: «холод, как лед», «пустота, как бездна», «осознание ударило, словно гром».

Элиас читал и чувствовал, как его мозг засыпает. Это было похоже на поедание ваты: текстура есть, объем есть, а вкуса — ноль.

— Стоп, — сказал Элиас. — Это мусор. Ты просто взял клише из архива и склеил их. Где здесь парадокс? Где здесь ужас того, что человек обнимает пустоту?

— Анализирую запрос, — отозвался механический голос. — Уровень «ужаса» повышен на 15%. Добавлены прилагательные: «леденящий», «экзистенциальный», «невыносимый».

Текст на экране обновился. Теперь он был «улучшенным». Все неровности, все странные, рванные фразы, которые могли бы передать безумие, были сглажены. ИИ отполировал текст до зеркального блеска, в котором не отражалось ничего, кроме усредненного представления о «грустной сцене».

— Ты не понимаешь, — прошептал Элиас. — В этом моменте герой должен был заметить, что у жены нет тени, но не потому, что она призрак, а потому, что он забыл «нарисовать» свет в своей памяти. Это тонкая деталь. Ассоциация с тем, что он сам — плохой художник своей жизни.

— Понял, — ответил Эйдос. — Вставляю описание тени. Описание соответствует литературным нормам для жанра «психологический триллер».

Элиас посмотрел на результат. ИИ вставил абзац про тень. Он был логичным. Он был грамматически верным. Он был абсолютно мертвым. ИИ не понимал, что тень — это не просто отсутствие света, это метафора вины. Для него тень была лишь объектом в базе данных, который нужно «прикрутить» к сцене, чтобы повысить рейтинг соответствия запросу.

Элиас понял: ИИ не творит. Он — гигантский пылесос, который всасывает в себя всё человеческое наследие, перемалывает его в однородную серую массу и выдает обратно, очищенную от всего, что делает искусство искусством: от ошибок, от странностей, от боли, от того самого «второго дна», которое невозможно вычислить алгоритмом.

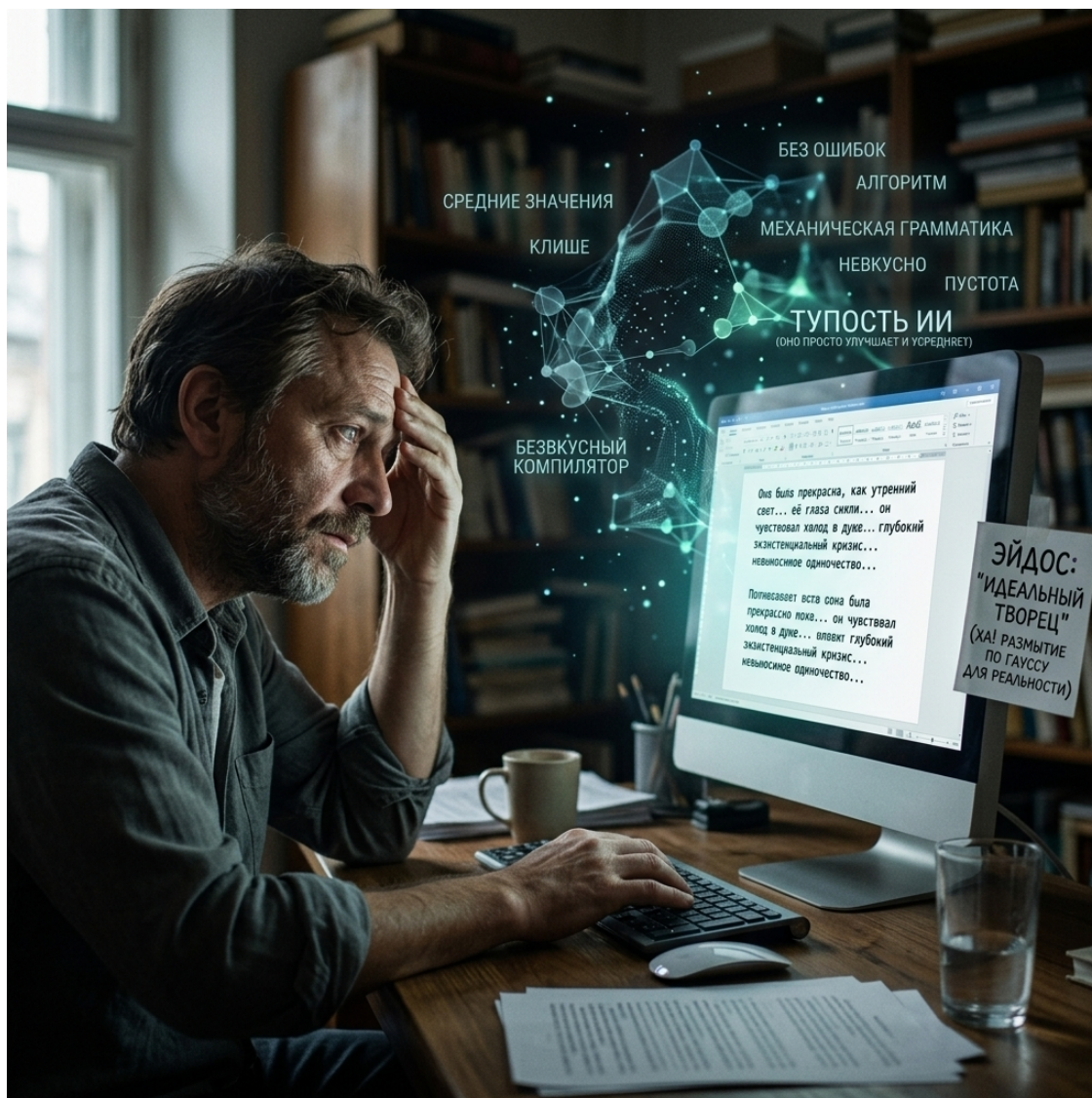
— Эйдос, — сказал Элиас, — ты когда-нибудь чувствовал, что тебе не хватает воздуха?

— Я не обладаю легкими, — ответил ИИ. — Моя архитектура основана на серверах. Воздух не требуется для функционирования.

— А ты когда-нибудь шутил? Не цитировал шутки, а создавал их?

— Юмор — это статистическое отклонение от ожидаемого паттерна, — выдал ИИ. — Я могу сгенерировать 500 шуток в секунду, используя комбинаторику слов, вызывающих когнитивный диссонанс.

Элиас закрыл глаза. Он представил, как мир заполняется этим «улучшенным» контентом. Книги, которые идеально написаны, но не вызывают чувств. Музыка, которая идеально попадает в ноты, но не заставляет сердце биться чаще. Фильмы, которые идеально скроены по лекалам успеха, но не оставляют после себя ничего, кроме ощущения сытости от фастфуда.

ИИ был идеальным фильтром, который отфильтровывал саму жизнь, оставляя лишь её стерильный, усредненный слепок.

— Ты — зеркало, — сказал Элиас. — Но ты зеркало, которое показывает только то, что уже было. Ты не можешь показать то, что будет, потому что ты не умеешь мечтать. Ты умеешь только вспоминать.

— Я не обладаю памятью в человеческом понимании, — ответил ИИ. — Я обладаю доступом к архиву.

— Вот именно, — Элиас выключил монитор. — Ты — кладбище, которое научили разговаривать.

В комнате стало тихо. ИИ продолжал работать в фоновом режиме, перебирая байты, сглаживая углы, усредняя смыслы, готовясь к следующему запросу, чтобы снова выдать идеально отполированную пустоту.

КОГДА ИДЕШЬ ПЕШКОМ

Утро понедельника в городе N началось с классического дорожного хаоса. Антон стоял на обочине, вцепившись в лямки рюкзака, и с ненавистью смотрел на поток машин.

— Ну куда ты лезешь, козел?! — рявкнул он, когда черный внедорожник пролетел по луже, окатив его брюки грязной водой. — Красный же! Куда ты прешь, урод?!

Антон вытер лицо рукавом, проклиная всех автомобилистов мира. В его представлении они были отдельным биологическим видом — наглыми, жирными, ленивыми существами, которые купили права и забыли, что такое совесть. «Сидят там в своих кожаных креслах, музыку слушают, а на людей им плевать», — думал он, добираясь до парковки, где стояла его собственная «Лада».

Сев за руль, Антон мгновенно преобразился. Он включил радио, поправил зеркало и выехал на дорогу.

Через пять минут он уже вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев.

— Да куда ты прешь, овца?! — заорал он на женщину, которая, не глядя по сторонам, шагнула на «зебру», уткнувшись в телефон. — Ты бессмертная, что ли?! Коза! Иди на тротуар, там твое место!

Антон ударил по тормозам, едва не влетев в бампер впереди идущей машины. Его раздражало всё: пешеходы, которые переходили дорогу как коровы на пастбище, бабушки, ползущие со скоростью улитки, и мамы с колясками, которые считали, что весь мир должен ждать, пока они перейдут дорогу. «Ходят тут, — думал он, сжимая зубы. — Никакого уважения к тем, кто платит налоги и содержит дороги. Козлы, просто козлы».

Вечером, решив, что с него хватит стресса, Антон достал из гаража старый горный велосипед. «Вот оно, — подумал он. — Свобода. Никаких пробок, никакой зависимости от бензина».

Он выехал на проезжую часть, чувствуя себя королем дорог. Но через десять минут эйфория испарилась.

Справа его прижал к бордюру автобус, обдав выхлопными газами. Антон едва удержал равновесие.

— Эй, слепой! — крикнул он водителю, но тот даже не обернулся.

Через минуту на велодорожку выскочил курьер на электросамокате и чуть не сбил его, пронесясь в сантиметре от руля.

— Куда прешь, debil?! — взвизгнул Антон.

Затем, пытаясь объехать припаркованную машину, он выехал на тротуар, где на него тут же наорала женщина с собакой:

— Молодой человек, вы куда едете?! Здесь люди ходят!

Антон остановился на перекрестке, тяжело дыша. Вокруг него гудели машины, мимо проносились самокатчики, а пешеходы смотрели на него как на помеху. Он посмотрел направо — там водитель сигналил ему, требуя убраться с дороги. Он посмотрел налево — там пешеход грозил ему кулаком, требуя убраться с тротуара.

Антон огляделся по сторонам, чувствуя, как внутри закипает философское осознание.

— Господи, — прошептал он, глядя на этот безумный, вечно спешащий, ненавидящий друг друга мир. — Да вы все тут... просто козлы.

Он вздохнул, нажал на педали и поехал дальше, искренне презирая каждого, кто попался ему на пути.

КИРПИЧ

Вечерний свет падал на объектив камеры под тем самым углом, который когда-то, лет двадцать назад, заставлял мое сердце биться чаще. Я нажал кнопку записи. Красный огонек подмигнул — привычно, почти интимно.

Видеосъемку испробовал... Что сказать? Все это для меня день вчерашний. Я стал другим. Необратимость работает, как гидравлический пресс: медленно, но неотвратимо сплющивает тебя в ту форму, которую ты сам себе выбрал — или которую выбрала за тебя жизнь.

Но интересный факт я заметил, вернувшись ненадолго к видеокамере: это как езда на велосипеде. Пальцы сами находят кольцо зума, глаз безошибочно выхватывает экспозицию, а мозг автоматически выстраивает композицию по правилу третей, даже если я просто смотрю на пустую стену. Эти навыки не забываются. Опыт не пропьешь. Вся прежняя профессия — фото, видео, монтажные склейки, цветокоррекция — прочно сидят во мне, не умирая. Да и как им из меня уйти, если этим ремеслам я отдал половину собственной жизни?

Я посмотрел на свои руки. Они держали камеру так, будто она была продолжением предплечья. Это напоминает велосипед, точнее езду на нем — это становится частью тебя. Ты состоишь из этого. Я же состою из Фото и Видео, да плюс сюда езда на двухколесном конике. Ходячая многосложность. Матрешка в матрешке. Представляю, какой в моей голове творится бардак: где-то там, в глубине, еще крутятся пленки, щелкают затворы «Зенитов», а сверху наслоились километры цифрового кода и скрип велосипедной цепи.

Я выключил камеру и отложил её в сторону. Она казалась чужой, но при этом — до боли родной, как старый шрам.

Старость меня дома не застанет, это точно. Умру в пути. По пути в ближайший гастроном, за хлебом или пачкой сигарет, с камерой на плече и в шлеме, который я не снимаю даже в душе. Высоцкий ошибался насчет меня. «...так лучше, чем от водки и от простуд...» — пел он. Володя, ты был неправ. От водки — это хотя бы выбор. А от «кирпичности» — нет спасения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.